

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 84

(2298)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья С. Губанова «Странно и чудовищно: приватизация вместо стратегической национализации?», опубликованная в журнале «Экономист», № 5, 2023 г.

Вологда
август 2023

Странно и чудовищно: приватизация вместо стратегической национализации?

Руководитель ВТБ – внешнеторгового банка, созданного в качестве «института развития», высказался за масштабную приватизацию. Мы приведем его аргументацию и подробно разберем ее. Но, прежде чем перейти к ней, нельзя не отметить, что было бы ошибкой считать, будто перед нами личное мнение отдельно взятого банкира.

На самом деле приватизацию упорно продвигает банковское сообщество, олицетворяющее компрадорский капитал, который утратил было голос с началом специальной военной операции на Украине (24 февраля 2022 г.), застыв в страхе при виде того, насколько быстро исчезают ресурсы компрадорской собственности в воронке американских санкций и как неумолимо надвигается перспектива стратегической национализации. С той поры прошел год, а вместе с ним и первый испуг.

Оценив складывающуюся обстановку, компрадорский капитал приободрился. И надо признать – есть от чего.

Во-первых, несмотря на специальную военную операцию, характер экономической системы так и не изменился: перехода от компрадорской экономической системы к суверенной не произошло. Не случилось и поворота к новой, цифровой индустриализации. Россия не бросила микропроцессорной монополии США – монополии, которая сейчас столь же кардинально важна, как некогда атомная.

Во-вторых, компрадорский капитал по-прежнему удерживает системное господство над командными высотами российской экономики, что позволяет ему сохранять и подпирать систему деиндустриализации России, препятствуя переходу к передовой экономической системе, которая включает движущие силы, организационные формы, стимулы и массовую заинтересованность в технотронной индустриализации страны.

В-третьих, компрадорский капитал окрылили трудности, испытываемые Россией из-за деиндустриализации в тылу и на поле боя. Он вновь обрел голос, поскольку увидел, каким образом можно поэксплуатировать возникшие трудности к своей выгоде: достаточно переложить издержки и потери, вызванные американскими санкциями, на государство и налогоплательщиков по старой и хорошо обкатанной схеме – национализация убытков и приватизация доходов.

В общем, сочтя ситуацию не такой уж и страшной для него, компрадорский капитал вознамерился компенсировать свои долларовые издержки и потери объектами государственной собственности. Опираясь на сохранный им контроль над командными высотами

экономики, он принялся требовать от Кремля приватизации вместо новой, микропроцессорной индустриализации. Для приличия он побеспокоился даже о том, чтобы придать своему требованию видимость научно обоснованного, рекрутировав авторитет акад. А. Аганбегяна.

Так что выступление А. Костина, главы ВТБ, с требованием приватизации – это не случайность, не эксцесс исполнителя, а целенаправленно спланированная акция. Странной и чудовищной она является лишь с позиции жизненно важных интересов России, которым отвечает стратегическая национализация, т.е. национализация командных высот экономики, и форсированная микропроцессорная индустриализация. Компрадорский капитал живет по своим законам, и ему нет никакого дела до того, что сам факт его существования противоречит и экономическому, и политическому суверенитету России. Между тем компрадорская Россия исключает суверенную точно так же, как суверенная Россия исключает компрадорскую.

Нелишне напомнить, что в нынешних исторических условиях компрадорской является та часть продажной национальной буржуазии, которая подкуплена «империализмом доллара», служит капиталу империалистических стран в экономическом и политическом отношении и используется им в интересах мирового господства империалистического блока, возглавляемого США. Компрадорская буржуазия рассматривается империалистическими державами в качестве вассала, призванного удерживать подвластную страну в состоянии порабощенной неокolonии (уточним: если в колониальной зависимости находились феодальные страны, то в неокolonияльную попадают страны стадияльно низшего капитализма, зависимые от высшего).

Стратеги НАТО, развязав против России прокси-войну, больше всего рассчитывают на своего троянского коня – компрадорскую буржуазию и компрадорскую систему, т.е. систему деиндустриализации. Они прекрасно осведомлены, что главный враг России – внутри России, и отвели компрадорской буржуазии роль «пятой колонны». Неспроста их основные сценарии и замыслы, включая режим санкций, предусматривают в первую очередь внутреннее разложение России – ее разложение компрадорским капиталом и компрадорской буржуазией. НАТО стремится удержать Россию в состоянии деиндустриализации, для чего всячески поддерживает сохранение компрадорской экономической системы, которая известна также как система максимизации экспортно-сырьевой ренты, или иначе – система превращения российского национального бо-

гатства в нероссийское и даже антироссийское.

Стало быть, в форме антагонизма между приватизацией и стратегической национализацией находит прямое отражение антагонизм между компрадорской экономической системой и политическим суверенитетом России.

Едва ли надо пространно убеждать, что антагонизм такого рода – между экономическим вассалитетом и государственным суверенитетом – длительно существовать не может. Понятно также, что его разрешение осуществимо либо установлением суверенной экономической системы, либо потерей политического суверенитета страны. Несомненно и то, что коренными интересами России диктуется безусловная замена компрадорской экономической системы подлинно суверенной, т.е. приведение характера экономического базиса в соответствие с характером политической надстройки. Иной исход, разумеется, несовместим не только с суверенитетом, но и самим существованием России как государственной федерации, ибо означает ее дефедерализацию и распад.

История еще не знала такого прецедента, чтобы политический суверенитет завоевала и отстояла экономически и технологически зависимая страна. В силу объективных законов исторического развития, такого прецедента не было, нет и не будет, ибо низшее и регрессивное бессильно против высшего и прогрессивного. Чтобы успешно противостоять блоку НАТО, Россия должна выйти противостояния законам истории, а выйти из противостояния им – значит ликвидировать компрадорскую экономическую систему и организовать взамен нее суверенную, основанную на суверенной форме собственности.

По законам социально-экономического прогресса альтернативой стратегической национализации и суверенизации экономического базиса может быть только развал России. Дезинтегрированный капитализм, каков стадийно низший и компрадорский, работает на дезинтеграцию России. Десятилетия тому назад дезинтегрированный капитализм в форме хозрасчетного подкосил Советский Союз, а сейчас, в форме компрадорского, подрывает основы основ централизованного российского государства.

Это давно уже азбучные истины классической гуманитарной науки. Но о них помалкивают. Идеологи приватизации вообще не в ладах с экономическими законами и наукой, вообще не считают с законами исторического развития. Для них таких законов не существует. Но эти законы существуют для России, и горе ей, если она продолжит идти против них, как шла до сих пор.

Советский Союз, вступив в 1950-е гг. в войну против объективных законов истории, кончил крахом. Постсоветская же Россия получила низший капита-

лизм компрадорского разлива и тотальную деиндустриализацию; и при этом очутилась в стратегически невыгодной ситуации, когда приходится воевать за геополитический суверенитет без предварительного завоевания суверенитета экономического, имея в тылу неразрешенный системный кризис и неразрешенный системный антагонизм.

Таковы диалектические особенности текущего момента. Считаются с ними адепты приватизации А. Аганбегян и А. Костин? Нет, не считаются. Как убедимся, судьба России – это не то, что волнует идеологов приватизации.

Лысенковские доводы академика

Обратимся к соображениям А. Аганбегяна, изложенным им в интервью Национальному банковскому журналу. Начинается интервью чередой критических посылов, один мрачнее другого. Все они выстроены в ряд, призванный проиллюстрировать один тезис: «Россия топчется на месте».

Приведем образчики премудрых сентенций академика: «У нас осталась также общая особенность – доля добывающей промышленности в составе ВВП и всей промышленности примерно втрое выше, чем в среднем в мире, а тем более в развитых странах»; «Катастрофически отсталым, как в последние годы советского периода, осталось производство полупроводников и компьютерной техники. К сожалению, отставание даже увеличилось»; «Численность бедных в новой России увеличилась по сравнению с советским временем из-за увеличенного разрыва между бедными и богатыми»; «Как и в советское время, благо и свобода человека не являются высшей целью государства»; «В последние 15 лет мы находимся в состоянии стагнации и кризисов».

Как видим, А. Аганбегян плачется в жилетку, перечисляя, и то неточно, банальности. К примеру, в системном кризисе постсоветская Россия находится не «последние 15 лет», а с первого дня развала СССР, поскольку откатилась к производственным отношениям России досоветской, дооктябрьской. Академик ограничивается простым созерцанием, не включая ни малейшего мышления, не говоря уж о научном. Он не задается даже вопросом элементарного любопытства – откуда взялась стагнация «новой России», почему «новая Россия» впала в «состояние стагнации и кризисов». Ему невдомек, что он называет поверхностные проявления масштабной деиндустриализации России.

Вот академик обмолвился про собственность: «Основой в СССР была общенародная собственность, а в новой России – государственно-капиталистическая и олигархическая собственность». И в одной фразе умудрился ошибиться дважды: насчет «общенародной собственности» в СССР и «государственно-

капиталистической» – где? – в «новой России». Да и насчет «новизны» России, откатившейся к досоветской, он слегка преувеличил, но по таким пустякам придирается к академическому аксакалу было бы совсем уж зазорно.

Конечно, А. Аганбегян не специалист в производственных отношениях и тем паче в типах и формах собственности. Он не обязательно должен знать, какая дистанция или сколько промежуточных переходов отделяет национализированную собственность от «обобществленной на деле», либо иначе – формально-государственную от подлинно общественной. Не обязан он знать и то, что такое государственный капитализм и «государственно-капиталистическая» собственность. Но он, как ученый, обязан говорить лишь о том, что твердо знает. В данном же случае, и не только, он позволяет себе вещать о том, чего не знает и в чем совершенно не разбирается.

Оставим в стороне пропагандистскую «общенародную собственность», которой в СССР не было и быть не могло. Возьмем собственность государственно-капиталистическую и поинтересуемся: что это за зверь и в каком заповеднике наткнулся на него А. Аганбегян?

Ни словом, ни полсловом не поясняет академик термин, походя им оброненный, ибо понятия не имеет, что тот означает. Во избежание недоразумения сразу укажем, что это отнюдь не собственность так называемых «госкорпораций». Под государственно-капиталистической наука подразумевает собственность на государственный капитал, применяемый и создаваемый в процессе общественного воспроизводства в условиях многоукладной экономики.

Едва ли надо доказывать, что «госкорпорации» обслуживают кругооборот олигархического капитала, вместо того чтобы осуществлять расширенное воспроизводство государственного. Отчего так? Оттого что «госкорпорации» присваивают прибавочную стоимость в форме прибыли, а значит – посредством частнокапиталистического присвоения наподобие заурядных частнокапиталистических предприятий. На прямое и непосредственное воспроизводство государственного промышленного капитала они не работают. Напротив – они противостоят его воспроизводству и блокируют его.

Государственно-капиталистическая собственность – это не то, что есть в «новой России», а то, чего она лишена. Даже в досоветской России, еще царской, можно было бы обнаружить больше ростков и провозвестников государственно-капиталистического уклада, чем в России постсоветской. В чем здесь дело? В том, что государственный капитализм отрицает компрадорский, а компрадорский, в свою очередь, отрицает государственный.

Первым признаком государственно-капиталистической собственности является государственно-капиталистическое присвоение прибавочной стоимости, которое исключает форму прибыли и, соответственно, частнокапиталистический способ присвоения.

Какая из «госкорпораций» отрицает форму прибыли? Никакая. Отсюда вывод: «госкорпорации» действуют как субъекты частнокапиталистического присвоения, выступая на деле субъектами частнокапиталистической собственности. Поэтому надо понимать, что их экономическая сущность делает их не союзниками, а противниками государственной собственности и государственного промышленного капитала. Они унаследовали ту враждебную роль, которую по отношению к советскому государству и советскому государственному бюджету исполняли хозрасчетные предприятия, составившие в итоге специфический уклад хозрасчетного капитализма, который и стал мегильщиком СССР.

В свое время большевики-недоучки, Н. Бухарин и Сталин, приписали государственно-капитализму – а потом и социализму – воспроизводство прибыли вместо государственного промышленного капитала. Это они изобрели госкапитализм без государственного капитала и его воспроизводства. С тех пор кто только не повторяет сию бухаринско-сталинскую ахинею, идеологически подготовившую начало конца Советского Союза. Госкапитализм видит там, где ею не было и нет, всякий кому вздумается. «Госкапиталистической» окрестили «путинскую экономику», говоря словами советской кинокомедии, и демократы, и дегенераты.

А. Аганбегяна к недоучкам не отнести, однако факт остается фактом: академик слово в слово повторяет несусветную чушь недоучек, находя государственно-капиталистическую собственность там, где ею даже не пахнет. Зато деиндустриализацию, которая бьет не в бровь, а в глаз, он не замечает, равно как и настоятельность для России скорейшей новой индустриализации – наукоемкой, микропроцессорной, цифровой, технотронной. Требовать же от него диалектического анализа постсоветской действительности и вовсе бесполезно.

О противоречиях между созиданием и разрушением, между служением и стяжанием, между новым и старым, между высшим и низшим, между суверенным и вассальным, между всеобщим и единичным, между интегрированным и дезинтегрированным, между системным и бессистемным академик, ослепленный интересами компрадорского капитала, не знает и знать не хочет. Тем не менее объективные противоречия не отпускают его сознание, вынуждая его раздваиваться.

Вот А. Аганбегян агитирует в интервью за «реформу собственности с массовой приватизацией», закладывая в подтекст мысль в стиле незабвенной лы-

сенковщины: без приватизации, мол, Россия обречена топтаться на месте. Он обещает, что приватизация даст молочные реки и кисельные берега: темпы роста ВВП в 2030-е гг. на уровне 5-6% ежегодно, «сокращение вдвое социального неравенства между бедными и богатыми», «социальное государство с приоритетным повышением уровня жизни и сохранности народа», увеличение «производительности труда и показателей эффективности в 2-3 раза в течение 10-15 лет» – лишь бы только «частная собственность» стала «преобладающей и главной собственностью». Перед нами типичные посулы и несбыточные обещания, на какие так горазда антинаучная лысенковщина.

Нам незачем даже опровергать сей вздор, поскольку А. Аганбегян сам же и опроверг его, сославшись на реальный результат приватизации. Цитируем академика дословно: «Не лучшим образом прошла скоропалительная бесплатная приватизация, нацеленная не на эффективность работы приватизированной собственности, а на невозможность возврата к старой централизованной системе. Появился слой неэффективных собственников, не умеющих работать в условиях рынка. Им были отданы в полное распоряжение богатые природные ресурсы, и на ‘пустом месте’ часть из них стала олигархами, присвоив ренту, принадлежащую народу».

Где же темпы роста по 5-6% ВВП в год? Где сокращение «социального неравенства»? Где «социальное государство с приоритетным повышением уровня жизни и сохранности народа»? Где, в конце концов, увеличение «производительности труда и показателей эффективности в 2-3 раза в течение 10-15 лет»? В очередных сказочках для легковерных.

Раздвоенное сознание А. Аганбегяна наследило, впрочем, и в рассматриваемом интервью. Одним полушарием он за приватизацию, а другим – за планирование. Цитируем: «Главное в совершенствовании управления в ближайшие годы – перейти к стратегическому пятилетнему планированию, заимствовав опыт не только Китая, выполняющего 14-ю пятилетку, но и Индии, которая несколько лет назад завершила 12-ю пятилетку, Турции, которая развивается высокими темпами, выполняя 11-ю пятилетку. Надо использовать также опыт Японии в осуществлении шести пятилетних планов во время своего фантастического 20-летнего подъема, а также Южной Кореи, также использовавшей пятилетние планы, для того чтобы покончить с отсталостью и перейти к высокоразвитой экономике».

Оказывается, для создания молочных рек и кисельных берегов приватизации мало: академик призывает еще «перейти к стратегическому пятилетнему планированию». Но каким образом одно сочетается с другим? Неужто стратегическое планирование можно

поставить на базе частной, дезинтегрированной собственности? Ничего подобного.

Реальными субъектами стратегического планирования выступают вертикально интегрированные корпорации национального или транснационального масштаба – вот о чем свидетельствует опыт КНР, Японии, Южной Кореи. Те же самые корпорации – не закономерно ли? – служат движущими силами новой, технотронной индустриализации, направленной на полную автоматизацию производительных сил и реальное их обобществление в последующем. Те же самые корпорации – не случайно ли? – образуют принципиально новое основное звено общественного воспроизводства, вертикально интегрированное.

В статье, посвященной С.А. Хейнману, А. Аганбегян прикоснулся было к проблеме архаичности организационной формы советского отраслевого предприятия, оставшейся на уровне дореволюционного Сормовского завода, но сути проблемы так и не понял: «Семен Аронович прежде всего восставал против этой системы феодальных хозяйств: он приводил в пример США, другие развитые страны, где автомобильные заводы были чисто сборочными предприятиями, даже без металлообрабатывающих станков. Иногда к сборочному цеху примыкали литейное производство, кузница, цехи по сварке кузовов, изготовлению крупных кузовных деталей прессованием, а двигатели, шасси, коробки передач делали на других заводах. Кооперация давала огромный выигрыш в производительности».

То, что академик назвал абстрактной «кооперацией», наука относит к межотраслевой, вертикально интегрированной централизации и концентрации промышленного капитала. Естественно, прежде чем интегрировать, надлежит дифференцировать, т.е. специализировать производство деталей, узлов, агрегатов, сборочных комплектов, чтобы можно было организовать целостную технологическую цепочку производства готовой продукции конечного спроса. Без межотраслевой технологической цепочки, специализированной на выпуске конкретного вида конечной продукции в масштабе народнохозяйственной централизации и концентрации труда и капитала, ни одной интегрированной корпорации нет и быть не может.

Именно наличие межотраслевой технологической цепочки воспроизводства с организованным межотраслевым взаимодействием всех звеньев превращает вертикально интегрированную корпорацию в основное воспроизводственное звено качественного нового типа. Такого рода корпорация обязательно подчиняется в своей деятельности закону вертикальной интеграции, благодаря чему и становится движущей силой научно-технического прогресса.

В советское время о законе вертикальной интеграции экономисты ничего не знали, хотя на каждом шагу натывались если не на его требования, то на крупные хозяйственные последствия его нарушения предприятиями хозрасчетного капитализма. Собственно, главное негативное последствие – утрата движущей силы научно-технологического прогресса в СССР, ибо эта движущая сила попросту не была организована. Причем не шла даже речь об ее организации. Невдомек было, что весь секрет ее организации заключается в вертикальной интеграции, в переходе к вертикально интегрированному организационному строению всего общественного воспроизводства, в приведении системы воспроизводства промышленного капитала в соответствие с законом вертикальной интеграции, который, во-первых, категорически запрещает извлечение прибыли из промежуточного производства, а во-вторых, – допускает частный капитал там и только там, где он не в состоянии причинить социальных издержек.

Не приватизация, а вертикальная интеграция собственности, труда и капитала – таков научно обоснованный путь к социально-экономическому прогрессу. Вертикальная интеграция – это путь вперед, приватизация – это путь назад, к отсталости и упадку.

Прискорбно, но академик не различал этого в прошлом и не различает в настоящем, раздваиваясь между приватизацией и стратегическим планированием. Впрочем, это едва ли удивительно, если отождествлять науку с фактами, да еще с несуразной ссылкой на Ленина.

Так, в конце 1980-х гг. А. Аганбегян выпустил книгу – агитку за хозрасчетный капитализм, в которой приписал Ленину просто дикую нелепость. Цитируем: «Излагая свои размышления о перестройке экономики, я привожу большой, может быть, кому-то покажется, что даже излишний, фактический материал. Но я руководствовался идеей, высказанной В.И. Лениным: “Науке нужны факты, а не догмы”».

Фраза, заявленная академиком как ленинская, настолько антинаучна и такая вопиюще антиленинская по смыслу и стилю, что незачем даже копаться в работах Ленина, чтобы распознать ее фальшивость. Науке нужны не голые факты, а познание той причинно-следственной зависимости, коей они связываются воедино, чтобы представлять в качестве целостных явлений и тенденций. Поэтому, по Ленину, ход познания идет от простого созерцания к абстрактному мышлению и, далее, к практике, с тем чтобы познающий открывает объективные законы природы и общества.

Наука строится на законах, исходя из принципа единства сущности и явления, что и позволяет всякой состоявшейся науке пользоваться математическим аппаратом. Если бы наука опустилась до метода А. Аганбегяна, то не было бы ни Пифагора, ни Птолемея, ни

Коперника, ни Ньютона, ни Ломоносова, ни Менделеева, ни других великих ученых нашей страны и мира.

Прошли годы, и академик имплицитно признал фальшивку, приписанную им Ленину, хотя и возложил вину на других: «Они приводили слова Ленина, которые я, кстати, потом не смог отыскать в его сочинениях: “Науке нужны факты, а не догмы”». Несмотря на то, он по-прежнему считает науку банальным перечислением цифри и разрозненных фактов, из-за чего не видит ни деиндустриализации, ни ее связи с приватизацией и компрадорской системой, ни законов централизации, концентрации и вертикальной интеграции промышленного капитала, не говоря уж о законах исторического развития общества.

Впрочем, любитель фактов на поверку оказывается любителем их подмены вымыслами. Выдумка абсурдной «ленинской фразы» далеко не единственная в его послужном списке. А. Аганбегян прославился еще антинаучным мифом о 65-70% доли государственного сектора в экономике России. Мы уже подробно говорили об этом и повторяться не будем. Отметим лишь, что в интервью источником сего мифа академик назвал «оценку Всемирного банка». Стало быть, самостоятельно установить факт, выполнив несложный расчет хотя бы по данным Росстата, он не в состоянии. Приняв на веру рассказы Всемирного банка, академический служака приватизации ограничил науку не фактами даже, а подтасовками вперемешку с выдумками.

В общем, почтенный академик предстал без науки, а наука – без него. Ни грана науки в предложении «массовой приватизации» нет. В пользу приватизации А. Аганбегян не привел ничего, кроме лысенковщины. Подкрепить приватизацию академическим авторитетом компрадорскому капиталу не удалось.

Посмотрим теперь, чего стоят аргументы банкира А. Костина. Приведем вначале его позицию целиком, без сокращений.

Спекуляция А. Костина на «новой модели роста»

Уже больше года мы живем не просто в кардинально изменившихся условиях – мы живем в новом мире, хотя, возможно, пока не в полной мере осознаем этот факт.

Противостояние – финансовое, экономическое, информационное, наконец, военное – ощутимо, масштабно и – будем откровенны – болезненно. Не надо строить иллюзий: ни завтра, ни через пять лет оно не закончится.

Первый удар мы выдержали достойно. Хватит ли сил не только удержаться, но развернуть ситуацию вспять – вопрос пока открытый.

В результате беспрецедентных санкций разрушены несущие элементы экономики, сложившейся в России за последние тридцать лет. Многие казавшиеся

незыблемыми «рыночные» понятия и инструменты применительно к текущим российским реалиям утратили привычное содержание, требуют переосмысления и корректировки. Как и вся страна, российский бизнес столкнулся с волной ненависти, которой невозможно найти рациональное объяснение. В одно мгновение оказались сломаны базовые принципы так называемого цивилизованного мира – неприкосновенность суверенной и частной собственности, исполнение договорных обязательств, независимость суда.

Запад не скрывает, что своими действиями стремится отрезать Россию от мирового рынка, разрушить рынок внутренний, создать хаос, вызвать социальный протест.

На недавнем съезде РСПП глава государства подчеркнул необходимость обеспечить новую модель роста, опирающегося на внутренние ресурсы. И для меня, и, думаю, для большинства моих коллег по организации это одна из самых нетривиальных задач за все время профессиональной карьеры. Начать ее решать следует с расстановки приоритетов.

Во-первых, оперативное строительство новых логистических коридоров и транспортной инфраструктуры, прежде всего железнодорожной и портовой, на Восток и Юг. Использование основных западных валют в санкционных целях также диктует необходимость скорейшего создания надежной системы финансовых расчетов и платежей в рубле и «дружественных» валютах, развитие двусторонних и многосторонних цифровых валютных платформ.

Во-вторых, перезапуск целых отраслей промышленности на базе активного внедрения инновационных решений и импортозамещение высоких технологий.

В-третьих, укрепление обороноспособности нашей страны за счет развития сферы ВПК и успешная интеграция новых регионов.

И все это – при безусловном выполнении социальных обязательств.

Где взять деньги? Три ответа на один вопрос; перезапуск приватизации; более смелое использование на цели развития финансовых резервов и государственного долга; перераспределение бюджетных средств в пользу трех вышеперечисленных приоритетов.

Передача госсобственности в частные руки на прозрачных и рыночных условиях – инструмент, уже неоднократно доказавший свою эффективность. Отечественный бизнес накопил значительный инвестиционный потенциал. Деньги в стране есть. Об этом свидетельствуют и массовое возвращение активов из зарубежных юрисдикций, и огромный интерес российского частного капитала к приобретению западных компаний, покидающих (как правило, не по собственной воле) наш рынок.

Введение секторных санкций в 2014 г. и последующее усиление геополитической напряженности сузили инвестиционную базу. Приватизация была фактически остановлена. И хотя это было вынужденное решение, результат известен: за последние годы частный сектор в России серьезно сдал свои позиции.

В ситуации «до февраля» о преимуществах и недостатках очередного этапа приватизации можно было бы дискутировать. Однако сегодня – время действовать. Уверен, что возобновление приватизационной программы не только позволит успешно привлечь в бюджет средства на рыночных условиях, но даст мощный импульс расшивке тех «узких мест», где сегодня особенно важна готовность брать на себя риски, принимать быстрые и нешаблонные решения. Обеспечить их может частная инициатива.

В качестве примера возьму логистику. Более 50 лет ориентированный на Европу нефтегазовый экспорт России практически полностью осуществлялся по трубопроводной системе. За последние 12 мес. географией сбыта стал весь мир. В условиях цейтнота предстоит в разы нарастить мощности промышленного судостроения – построить сотни новых нефтеналивных танкеров, газовозов, судов для освоения шельфа, контейнеровозов, других специализированных гражданских судов.

Способна ли находящаяся в федеральной собственности Объединенная судостроительная корпорация (контролирует 80% потенциала отрасли) оперативно и эффективно справиться с этими вызовами?! Мне представляется, что нет. И подобных примеров – десятки.

Перечислю еще несколько значимых «плюсов» приватизации: укрепление основ рыночных механизмов; придание динамики дальнейшему развитию фондового рынка, что позволит компенсировать уход иностранных портфельных инвесторов и наполнить его ликвидностью; формирование новой генерации менеджеров – качественный управленческий ресурс всегда в дефиците.

Наконец, приватизация обеспечит такое важное условие здорового функционирования экономики, как конкуренция. Именно наличие живой конкурентной среды – вне зависимости от формы собственности – формирует и поддерживает механизмы мониторинга качества производимых товаров и услуг. Подавляющая часть российского бизнеса сегодня определилась с выбором – быть вместе со страной, работать на ее будущее, поддерживать и дополнять инициативы власти по глубокой трансформации экономики. Принципиально важно, что в вопросе необходимости сохранения рыночного характера российской экономики позиции бизнеса и власти совпадают. Это, однако, не отменяет различия в подходах по другим темам.

Одна из них – целесообразность сохранения низкого уровня государственного долга и консервативных принципов использования резервов в условиях развязанной против России экономической и финансовой войны.

Разница между текущим уровнем госдолга (около 17% ВВП) и считающимся «проблемным» порогом (выше 60%) создает огромный запас прочности. Без существенных рисков для финансовой стабильности отечественная экономика может дополнительно получить порядка 70 трлн руб. Такие средства привлечь возможно в том числе за счет более активного участия крупнейших банков в размещении облигаций федерального займа.

Еще один источник денег для экономики – ликвидные средства Фонда национального благосостояния, из которого уже финансируются приоритетные инвестиционные проекты. Этот курс необходимо продолжать.

Мы слишком долго изымали деньги из экономики. Настало время их возвращать.

Предвижу возражения: наращивание денежной массы несет серьезные инфляционные риски. Но текущая ситуация демонстрирует, что активные инвестиции в развитие способствовали снижению инфляционной динамики. Кстати, президент недавно заявил, что инфляция сейчас находится ниже целевого уровня 4%. Думаю, что при таком показателе насыщать экономику деньгами можно и нужно.

Пример из недавнего прошлого многих стран показывает, что рост денежной массы далеко не всегда приводит к всплеску потребительской инфляции. Так, в Китае денежная масса с 2008 г. по настоящий момент выросла в 6,6 раза, а средняя годовая инфляция была около 2%. Очень важно, на какие цели направляется рост денежной массы. Если это проекты инфраструктурного и технологического развития, то инфляционный эффект здесь на порядок меньше, а на длинном горизонте они и вовсе могут иметь дезинфляционный эффект.

Опыт Китая и других ведущих экономик показывает, что существует проверенный и работоспособный механизм, который позволяет одновременно нейтрализовать инфляционное воздействие дополнительных госрасходов и направить их именно туда, где они нужнее всего. Это – фондовый рынок.

Министерство финансов России сегодня вплотную подошло к запуску новой модели долгосрочных сбережений для физических лиц. В совокупности с грамотным регулированием для профучастников со стороны Центрального банка она создаст стимулы для развития именно тех секторов экономики, которые нам наиболее важны.

Последний штрих. Распределение бюджетных расходов по принципу «всем сестрам по серьгам» –

обоснованная практика в спокойные времена. Для качественного прорыва нужна концентрация ресурсов на главном. Поэтому к очередному циклу планирования бюджета мы должны подойти с согласованным пониманием приоритетов финансирования и жестко их придерживаться.

Уверен, что фокус на транспорте и логистике, сегменте высоких технологий и обороноспособности при сохранении социальной части бюджета включит экономический мотор. Мы долго запрягали. Пора ехать.

Приватизированная Россия: дальше ехать некуда

Как можно видеть, позиции банкира и академика в общем-то согласованы. Если А. Аганбегян дает понять, что без приватизации Россию ждет «топтанье на месте», то А. Костин внушает, что приватизация приведет к новой модели роста. И банкир, и академик едины в том, что только приватизация приведет Россию в движение.

Но вот вопрос: куда они собрались двигать Россию. Дело в том, что постсоветская Россия, став приватизированной, давно уже приехала к тому пункту назначения, какой предназначен ей неумолимыми законами истории – компрадорскому капитализму, стадially отсталому и во всех отношениях зависимому от империалистического, включая организацию хозяйства и технологии. Если добавить еще дозу приватизации, еще дозу деиндустриализации, отсталости и зависимости, то компрадорская Россия завершит историю развалом.

Однажды компрадорская Россия, еще в ипостаси Российской империи, уже была доведена царским режимом и Временным правительством до грани полного развала, подобно Австро-Венгерской империи, Германской, Османской и др. Тогда ситуацию спасла только советская революция, по сути антикомпрадорская. В формате Советского Союза ленинскому политическому авангарду, знакомому с законами истории, удалось, пройдя через Гражданскую войну, реорганизовать историческое пространство бывшей империи, используя принципиально новый тип государственности – советский. Это было свершение, беспрецедентное в новейшей истории.

Причем Ленин понимал, что это свершение еще только предстоит сделать экономически необратимым, для чего настойчиво призывал подвести под советскую власть адекватный ей экономический базис в виде «своеобычного» государственного капитализма, выстроенного на национализированных командных высотах экономики и направляемого Госпланом. Но в январе 1924 г. Ленина не стало. Руководство идеологией, правящей партией и государством захватили антиподы – Бухарин и Сталин. Они подменили ленинский курс антиленинским. Под лживым, левацким

флагом «социализма в одной стране» они сняли ленинскую формулу госкапитализма, чтобы навязать свою формулу хозрасчетного капитализма, объявленного ими «социалистическим».

Со второй половины 1920-х гг. в СССР начат разрастаться экономический базис, враждебный советской власти, а межнациональные отношения разъедались сталинской политикой «национально-культурной автономии».

Реформа 1929-1933 гг. ввела было некоторые начала госкапитализма (налог с оборота и др.), но стреножила их превращением в основное воспроизводственное звено отраслевого хозрасчетного предприятия. Она оказалась крайне противоречивой, хотя и в таком виде имела характер прогрессивной.

В 1950-е гг. реакционные хрущевские реформы нанесли сокрушительный удар по госплановской централизации управления народным хозяйством и системе народнохозяйственного расчета, нацеленной на максимизацию налога с оборота путем сокращения себестоимости. Реформы же 1960-х гг. нанесли удар по остаткам плановой системы, ограничивающим хозрасчетный капитализм. А горбачевские реформы второй половины 1980-х гг. предоставили хозрасчетному капитализму свободу денационализации и превращения в компрадорский, нацеленный на распродажу национального богатства иностранному капиталу.

Потеря национализированных командных высот, а с ней и потеря народно-хозяйственной централизации, предрешила участь Советского Союза: он рухнул, будучи до основания разложен хозрасчетным капитализмом. В истории решающее слово всегда остается за экономикой, поэтому при децентрализации экономики конец централизации государства неотвратим.

Из-за противоречия между централизацией политической надстройки и децентрализацией экономического базиса та же самая участь грозит теперь России. По законам истории способ спасения от краха, обусловленного компрадорским капитализмом, единственен и заключается в национализации командных высот экономики: земли, банков, внешней и внутренней торговли, магистрального транспорта – железнодорожного, авиационного, морского, речного, трубопроводного, электроэнергетики, ключевых отраслей производства, образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства и т.д.

Стратегическая национализация не означает отрицания ни многоукладности в России, ни товарно-денежного обращения (рынка). Левацкие сталинские догмы, порожденные абсурдной идеей «социализма в одной, отдельно взятой стране», повторять уже не обязательно: они окончательно развенчаны не только наукой, но и практикой. Стратегическая национализация необходима не как самоцель, а как предпосылка

для вертикальной интеграции собственности, труда и промышленного капитала, для организации расширенного воспроизводства совокупного промышленного капитала России, для форсированной неоиндустриализации производительных сил, проводимой по единому общегосударственному плану.

Таким образом, судьба России всецело предопределяется сейчас тем, каким образом будет разрешен прямой антагонизм между приватизацией и национализацией командных высот экономики. Победа приватизации равносильна поражению России; победа стратегической национализации равнозначна победе России – такова сейчас историческая развилка.

Либо – либо: третьего и впрямь не дано. Кто выступает за приватизацию, тот выступает за развал России; кто выступает за стратегическую национализацию, тот выступает за подъем России.

А. Костин, подобно А. Аганбегяну, изображает себя радетелем за интересы России и местами даже прибегает к высокопарному слогу. Но при ближайшем рассмотрении его основные утверждения совершенно расходятся с данными реальной практики.

Мир изменился, ситуация складывается для нас болезненная, ее надо обернуть вспять – бросает посыл А. Костин. В чем причина болезненности в том, что «в результате беспрецедентных санкций разрушены несущие элементы экономики».

Если не вдумываться, как не вдумывается в то, о чем он говорит, банкир из ВТБ, то можно и вправду поверить, что болезненным стало разрушение «несущих элементов экономики». Но в науке абстрактное поверяется конкретным, и потому хотелось бы знать, о какой конкретно экономике ведет речь А. Костин, с какими конкретно «несущими элементами».

Россия базируется сейчас на компрадорской экономике и болезненно страдает, во-первых, от распродажи национального богатства иностранному капиталу, во-вторых – от деиндустриализации, в-третьих – от микропроцессорной монополии США. Что изменилось?

Быть может, приватизированная, децентрализованная и дезинтегрированная экономика утратила компрадорский характер и стала суверенной? Нет, она осталась компрадорской, дезинтегрированной и несuverенной. Быть может, прекратилась распродажа национального ресурсного богатства иностранному капиталу? Нет, такая распродажа не прекратилась: изменилась только валюта платежа. Быть может, преодолена деиндустриализация? Нет, деиндустриализация не преодолена. Быть может, Россия бросила вызов микропроцессорной монополии США? Нет, такого вызова Россия не бросила.

Стало быть, экономическая реальность неизменна, равно как и компрадорская экономическая система. Правда, несколько уменьшилась компрадорская рента,

сложнее стало обращать ее в мировую резервную валюту и зарубежную собственность, появились издержки и потери заграничных активов. Спора нет, для компрадорской буржуазии это действительно болезненно. Да только при чем здесь «новая модель роста»? Исключительно лишь для красного словца.

И красного словца ради А. Косзин взялся расставлять приоритеты. Раньше его не волновали ни «логистические коридоры», ни «импортозамещение», ни «обороноспособность». Но теперь он озаботился ими - не иначе как потому, что мир изменился и «российский бизнес столкнулся с волной ненависти, которой невозможно найти рациональное объяснение». Да только вот незадача: без новой индустриализации России не видать ни импортозамещения, ни обороноспособности. Поэтому расставленные им приоритеты не стоят даже ломаного гроша.

«Где взять деньги?» – вопрошает банкир, просто душно не замечая, как с головой выдает свою плененность компрадорской логикой. Ход его мысли таков: деньги в стране есть, их надо передать в руки государства в обмен на государственную собственность, деньги государство должно расходовать на «логистические коридоры», «импортозамещение» и «обороноспособность». Тем самым банкир признал не что иное, как неспособность и нежелание компрадорского капитала заниматься «импортозамещением» и «обороноспособностью». И то правда: для импортозамещения и обороноспособности компрадорский капитал не нужен.

Какое «импортозамещение» и какую «обороноспособность» сумеет обеспечить государство, лишенное вследствие приватизации важнейших производственных мощностей наподобие судостроительных и оставленное с пустопорожней денежной массой на руках, которую нечем отоварить? До этого А. Костину нет ни малейшего дела. Реальные ценности компрадорам, а инфляцию государству и налогоплательщикам –

вот что он предлагает па самом деле, если отбросить словесную шелуху.

«Наконец, приватизация обеспечит такое важное условие здорового функционирования экономики, как конкуренция. Именно наличие живой конкурентной среды – вне зависимости от формы собственности - формирует и поддерживает механизмы мониторинга качества производимых товаров и услуг», – обещает А. Костин. Он привычно не замечает, в какой абсурд впадает его представлении компрадорская приватизация обеспечит конкуренцию «вне зависимости от формы собственности», а заодно – «механизмы мониторинга качества производимых товаров и услуг».

Но если «живая конкуренция» не зависит от форм собственности, то для чего приватизация? И разве не компрадорская система мешает России конкурировать с США в производстве передовых микропроцессоров, роботов, беспилотных самолетов, безлюдных комплексов вооружения, супер-ЭВМ, квантовых вычислений, искусственного интеллекта и т.д.? Разве не компрадорская система блокирует новую индустриализацию России и создание российских вертикально интегрированных корпораций, способных на равных конкурировать с Intel, Micron, Apple, Boeing, Microsoft, General Electric и т.п.?

Приватизация – это орудие поражения России. Одно из двух: либо Россия покончит с компрадорской экономической системой, либо компрадорская система покончит с Россией – третьего и впрямь не дано. Усидеть на двух стульях – компрадорском и суверенном – не получится.

России нужна суверенная экономическая система, а предпосылкой таковой является стратегическая национализация, т.е. восстановление суверенитета над командными высотами отечественной экономики. Антагонизм между приватизацией и национализацией должен быть разрешен в пользу стратегической национализации. И чем скорее, тем лучше.

С. Губанов